

УДК821.161.1.09"1917/1991"
ББК83.3(2Рос=Рус)6.Русская лите-
ратура XX века 1917–1991

С.М. Калашникова

**ОСОБЕННОСТИ
ОРГАНИЗАЦИИ
ХРОНОТОПА
В УЗЛАХ «КРАСНОГО
КОЛЕСА»
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА**

Анализируются принципы хро-
нотопической организации Узлов
«Красного Колеса» А.И. Солженицы-
на. Различая принцип Узла как момент
концептуализации истории писателем
и метод узловых точек как основную
форму художественного мышления
Солженицына, автор статьи анализи-
рует типы хронотопов, функциониру-
ющих в каждом из четырех Узлов про-
изведения с точки зрения концепции
Бахтина об архитектонических и ком-
позиционных формах.

Ключевые слова: *принцип Узла,
метод узловых точек, авторский хро-
нотоп, хронотоп произведения, архи-
тектоническая форма, композицион-
ная форма, историософская концеп-
ция.*

Калашникова Светлана Михайловна –
канд. филол. наук, доцент кафедры отече-
ственной литературы Института фило-
логии, журналистики и межкультурной
коммуникации Южного федерального
университета
Тел.: 8-928-151-12-38
E-mail: svetkalash@mail.ru

© Калашникова С.М., 2015.

«Повествование в отмеренных
сроках» А.И. Солженицына «Крас-
ное Колесо» (1937, 1969 – 1990)
представляет собой крайне сложно
организованное целое, в котором,
с одной стороны, реализовались
основные формы художественно-
го мышления писателя, с другой
стороны, отчетливо обозначились
черты, характеризующие данный
текст как «большое историософ-
ское сочинение о русской револю-
ции» [Нива, 1992, с. 53], поэтика
которого – не традиционно роман-
ная, а «скорее историософская»
[Нива, 1993, с. 286]. О своей при-
верженности к особому способу
художественного видения А. Сол-
женицын говорил всегда. В част-
ности, в личном письме Е.В. Бе-
лопольской от 14 августа 1997 г.,
автору работы о романе «В круге
первом», писатель замечает: «"Ме-
тод узловых точек" – да, я очень
ему очень привержен, но еще не
в "Круге": эти трое сжатых суток
и есть одна единственная "узловая
точка", действие в ней не преры-
вается ни днём, ни ночью». Дан-
ный метод является проявлением
и реализацией взгляда Солжени-
цына на творчество: «Я считаю
первой характеристикой всякого
литературного произведения –
его плотность, художественную
плотность, плотность содержания,
мысли, чувства. <...> страсть к та-
кому уплотнению сидит и во мне,
не только в материале» [Солжени-
цын, 1983, с. 515]. Как некое кредо
автора этот творческий принцип
реализуется последовательно во
всех произведениях Солженицы-
на. «Один день Ивана Денисови-
ча» являет собой рассказ, в кото-
ром сконцентрирован «один день

одного ээка», заключающий в себе такую гениальную типизацию, что многие политзаключенные того времени с предельной четкостью узнавали в образе Ивана Шухова если не себя, то кого-то из своих солагерников; в романе «В круге первом» события уплотняются до неполных трех суток – от вечера субботы до дня вторника с точными указаниями временных и пространственных координат; повесть «Раковый корпус» снова реализует излюбленный автором прием временного сжатия: «"Раковый корпус" я разделил на две части почти исключительно из того соображения, что ход болезни не допускает дать ей три дня. Болезнь требует показать ее хотя бы за пять, шесть недель, а повествование хочет сжаться.» [Солженицын, 1996, с. 422]; рассказы Солженицына ценны для него именно своей малой формой, так как сама жанровая структура произведения подобного плана требует от автора концентрации материала, воплощенного в тонко отточенных гранях малой художественной формы; в «опыте художественного исследования» «Архипелаг ГУЛАГ» писатель связывает факты посредством личного опыта, преобразованного в творческую интуицию, и «там, где научное исследование требовало бы сто фактов... у меня их два! три!» [Солженицын, 1996, с. 212]. Этот универсальный принцип художественного мышления Солженицына последовательно реализуется и в «Красном Колесе», где каждый Узел повествования организуется по методу узловой точки. Другими словами, «Август Четырнадцатого» во временном плане концентрируется в небольшом временном отрезке с 10 по 21 августа 1914 г., «Октябрь Шестнадцатого» с 14 октября по 4 ноября 1916 г., «Март Семнадцатого» – с 23 февраля по 18 марта 1917 г. и «Апрель Семнадцатого» – с 12 апреля по 5 мая 1917 г. При этом четко указываются время суток (утро, день, вечер, ночь) и пространственные координаты происходящих событий. Таким образом реализуется солженицынский принцип сжатия, с одной стороны, с другой – достигается эффект максимального правдоподобия происходящего.

Принцип Узла как главный принцип историософского мышления Солженицына в творчестве писателя родился не сразу. В качестве принципа осмысления большого исторического времени он вторичен по отношению к методу узловых точек. Рассуждая о «Красном Колесе», писатель заявляет следующее: «Такую грандиозную вещь невозможно написать "в лоб" – это был бы бесчисленный ряд томов... я пришел к выводу, что надо писать эту эпопею методом узлов. В математике есть такое понятие узловых точек: для того, чтобы вычерчивать кривую, не надо обязательно все точки ее находить, надо найти только особые точки изломов, поворотов и повторов, где кривая сама себя снова пересекает, – вот это и есть узловые точки. И когда эти точки поставлены, то вид кривой уже ясен. <...> А в промежутках между узлами я ничего не даю.» [Солженицын, 1997, с. 194]. Некоторое неразличение понятий метода и принципа самим автором привело к тому, что принцип Узла стали рассматривать как вариацию авторского метода узловых точек, что, на наш взгляд, является неправомерным. Узлов в окончательном варианте че-

тыре – «Август Четырнадцатого», «Октябрь Шестнадцатого», «Март Семнадцатого» и «Апрель Семнадцатого». Для автора именно эти четыре узла наиболее важны для вычерчивания кривой революции, именно они составляют композиционную основу текста «Красного Колеса». Но в текстуальную плоть этих узлов введены номинально узлы предыдущие (например, в главе 62 «Августа Четырнадцатого», в главе 7 «Октября Шестнадцатого» и др. Солженицын называет узлы, которые, по его мнению, играли роль в подготовке происходящих событий). Все же повествование завершается пятью эпилогами, которые по сути своей тоже являются узлами, но уже узлами последующими, узлами-результатами, последствиями свершившегося в четырех описанных. Наконец, рассуждая о путях и кризисах русской истории, Солженицын уже с высоты современности обозначает три окончательных катастрофических узла всей российской истории, соотнося Семнадцатый век, Семнадцатый год и 90-е годы XX в., причем три эти периода связываются в сознании писателя причинно-следственной связью. Точка же зрения Солженицына на революцию как исторический акт прямо противоположна мысли Гегеля в интерпретации Г. Лукача о том, что «революции составляют необходимую, органическую часть эволюции, и подлинная эволюция без такой “узловой линии отношений меры” в действительности невозможна и философски немыслима» [Лукач, с. 56]. Революция для писателя – это хаос, а отнюдь не часть порядка бытия. Почему же именно революция для Солженицына имеет столь решающее значение (и не только русская, но вообще всякая)? Потому что «революция всегда есть пылающая болезнь и катастрофа», точка-экстремум, необходимая для вычерчивания кривой мировой истории, и, самое главное, «приоткрывает нам большая революция и такие глубины бытия, которые сомнительно назвать просто физическими» [Солженицын, 1995, с. 537].

Но у революции как у исторически-катастрофического по своей сути процесса есть своя кривая развития. И у этой кривой, в свою очередь, есть свои максимальные точки колебания, именно эти точки и становятся композиционными Узлами «Красного Колеса» и общим жанрообразующим принципом этого произведения, позволяющим автору назвать его именно «повествованием в отмеренных сроках», или циклом узлов.

«Хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение... Жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом.» [Бахтин, с. 235]. «Красное Колесо» как целое состоит из отдельных частей – «Узлов», организованных, как уже было отмечено, по определенному принципу временной сжатости. Этот принцип является (если рассматривать его в качестве композиционного) результатом проявления конкретной авторской активности; в основе его лежит авторский хронотоп истории, который в первую очередь принадлежит реальному и незавершенному историческому миру. Дробя и сжимая историческое время таким образом, автор апеллирует к читателю, который должен уяснить уже в процессе рецепции авторский хронотоп, формирующий целое произведения. В основе композиционного принципа Узла лежит

историософская концепция автора, которая в эстетическом объекте преобразуется в авторский хронотоп сжатости и концентрации истории. В «Красном Колесе» «время и пространство становятся концепцией автора» [Щедрина, с. 91].

Разграничивая, вслед за М.М. Бахтиным, архитектурные и композиционные формы, следует заметить, что принцип Узла в его сопоставлении с принципом циклизации (в данном случае романной) является чисто композиционной формой организации словесных масс; ею осуществляется в данном эстетическом объекте архитектурная форма художественного завершения исторического события в авторской историософской концепции, для которой характерен возможностный модус существования истории, знаменитое «если бы» А.Солженицына. Итак, историософское, в плане его концептуальности, входит в эстетический объект в отличие от композиционной формы Узла. Другими словами, архитектурная форма авторской историософской концепции определяет выбор композиционной формы Узла, причем историософское в данном контексте индивидуализируется. «Каждая архитектурная форма осуществляется определенными композиционными приемами, с другой стороны, важнейшим композиционным формам, например, жанровым – соответствуют в осуществляемом объекте существенные архитектурные формы.» [Бахтин, с. 20]. В этом смысле можно утверждать, что в сфере исторической романистики А.И. Солженицын, следуя за прозаиками начала XX в., своим «Красным Колесом» продолжает разрабатывать коррелятивную пару: историософская концепция автора как архитектурная форма и принцип Узла (цикла) как композиционная.

Интересно, что отдельные Узлы повествования с композиционной точки зрения характеризуются тем же авторским хронотопом, который свойствен всему повествовательному целому. Например, первый Узел «Красного Колеса» – роман «Август Четырнадцатого» композиционно неоднороден. Содержательно этот роман условно состоит из трех частей: первая посвящена войне и поражению армии Самсонова, вторая – Столыпину и его трагической смерти, третья представляет собой повествование о Николае II и царской семье. Здесь мы попадаем из мира «создающего» в мир «созданный». Из сферы авторского хронотопа мы переносимся в сферу хронотопов самого произведения.

«Для романа прежде всего характерно слияние жизненного пути человека (в его основных переломных моментах) с его реальным пространственным путем-дорогой, т.е. его странствованиями.» [Бахтин, с. 271]. Знаменательно, что «Август Четырнадцатого» открывается именно образом дороги: «От станции до станции так вела их все время дорога...» [Солженицын, 1983, с. 11]. Хронотоп дороги однозначно объединяет казалось бы ничем не связанных в плане фабульном героев – Саню, Варю, Ленартовича, Варсонофьева, Георгия Воротынцева и др., через которых реализуется метафора жизненного пути. Именно этот тип хронотопа в более или менее выраженной форме станет сквозным для всех четырех

Узлов «Красного Колеса». Причем связанный непосредственно с хронотопом дороги мотив встречи героев, «скрещения» их судеб, будет играть в художественном целом всего произведения ту главную сюжетообразующую роль, которая и призвана именно в романном смысле стянуть воедино линии вымышленных персонажей, дать повествованию условно-традиционный романский хронотоп в качестве связующей системы координат. Интересно, что ведущий образ-символ повествования, давший название всему произведению, тоже непосредственно связан с хронотопом дороги, пути. Если говорить о романе «Август Четырнадцатого», то чаще всего этот образ появляется именно в первой части произведения, в основе сюжета которой тематически лежит война – «центральная и почти единственная тема чисто исторического сюжета» [Бахтин, с. 366]. Война, в центре которой стоит фигура Самсонова как исторического деятеля, и жизненный путь «частных» героев порождают особый романский хронотоп «военного пути». Несмотря на все формальные новшества автора, именно эта формально-содержательная категория является ведущей в «Августе Четырнадцатого», позволяя рассматривать эту часть повествовательного целого именно как традиционно романную.

Основанием для выделения отдельных частей романа является не только содержательный критерий, но скорее факт смены одного хронотопа другим. Главы, посвященные Столыпину и его трагической гибели, характеризуются взаимовключением художественно-концептуального и авторского времени. Причем в данном случае авторский хронотоп нужно рассматривать в контексте «изображенного мира», а не «изображающего». В противном случае легко прийти к выводу о деэстетизации художественного объекта и утверждению примата чисто познавательных-этических моментов в данном и подобных отрывках романа и шире – всего повествования.

Наконец, третья часть романа «Август Четырнадцатого», посвященная царской семье, отличается от двух других наличием в ней хронотопа, в основе которого лежит тип биографического времени. Используя традиционную форму дневниковых записей, автор реализует биографическое время Николая II как время раскрытия характера. Конец романа знаменателен – автор сюжетно возвращается к повествовательной линии первой части романа, тем самым как бы замыкая хронотопическое кольцо романа. Можно сказать, что первый Узел повествования является наиболее замкнутым по характеру реализованных внутри него хронотопических единств.

В «Октябре Шестнадцатого» ситуация диалога хронотопов усложняется семью главами, которые автор вместе с главами из «Марта Семнадцатого» публиковал отдельно под заголовком «Ленин в Цюрихе». Деформируется и хронотоп «военного пути», потому что сама природа войны в 1915 г. уже другая, о чем и рассуждает Воротынецев в главе 22. Считается, что «из четырех Узлов “Красного Колеса” “Октябрь Шестнадцатого” более всех близок тому литературному жанру, что обычно именуют “романом”» [Немзер, с. 537]. Такая ситуация возникает в силу того, что именно в этом Узле автор актуализирует по максимуму любовно-семейный хронотоп, который, в свою очередь, вступая в ситуа-

цию контрапункта с хронотопом хроникальным, например в главах 19 (Общество, правительство и царь), 26 – о беспорядках на Выборгской стороне, 63 – о снятии локаута и отмене воинской повинности и т.д., дает возможность автору слить воедино линии исторической жизни России того периода и личностную жизнь человека во всех ее перипетиях.

В двух последних Узлах – «Марте Семнадцатого» и «Апреле Семнадцатого», т.е. в частях повествования, посвященных уже непосредственно приблизившейся революции, «лавинообразный ход событий потребует уже совсем другой архитектоники» [Немзер, с. 538]. Историческая задача автора в этих Узлах – показать, как революция изменяет привычный ход времени, выворачивает пространство. Поэтому, с одной стороны, в контексте этих Узлов происходит максимальная динамизация некоторых уже существующих в повествовании хронотопов, с другой стороны, автор, дробя повествования на дискретные фрагменты, порождая некий повествовательный хаос, создает прецедент фрагментарного хронотопа в произведении, тем самым добиваясь эффекта антиэпопейной организации времени-пространства текста. По сути, залогом художественной целостности изображенной реальности «Красного Колеса» становятся сквозные сюжетные линии вымышленных персонажей, реализующиеся через хронотоп жизненного пути и призванные противостоять «разэпопеившейся» истории.

Таким образом, используя традиционные типы хронотопов, но komponуя их особым, нетрадиционным способом, а порой и трансформируя их, Солженицын опирается на свой авторский хронотоп, закладывая основы новой коррелятивной пары архитектурной и композиционной формы, нашедшей свое воплощение в принципе Узла. При этом повествовательная ткань каждого Узла реализует основную форму художественного мышления писателя – метод узловых точек. В принципе Узла необходимо видеть момент концептуализации истории автором, а в методе узловых точек – свойственную Солженицыну особенность художественного видения.

Литература

- Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
Лукач Г. Исторический роман // Литературный критик. 1937. № 7.
Немзер А. С. Земной удел. Заметки об «Октябре Шестнадцатого» // Александр Солженицын. Собр. соч. в 30 т. М., 2007. Т. 10.
Нива Ж. Поэма о «разброде добродетелей» // Континент. 1993. № 75.
Нива Ж. Солженицын. М., 1992.
Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. Т.1. Ярославль, 1995.
Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. Т.2. Ярославль, 1996.
Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. Т.3. Ярославль, 1997.
Солженицын А. И. Собр. соч. в 20 т. Т. 11: Красное Колесо. Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1983.
Щедрина Н. М. Функции хронотопа в романе А. Солженицына «Красное Колесо» // Поэтика русской прозы: межвуз. науч. сб. Уфа, 1995.

References

- Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. M., 1975.
 Lukach G. Istoricheskii roman // Literaturnyi kritik. 1937. № 7.
 Nemzer A. S. Zemnoi udel. Zametki ob «Oktyabre Shestnadtsatogo» // Aleksandr Solzhenitsyn. Sobr. soch. v 30-ti t. M., 2007. T. 10.
 Niva Zh. Poema o «razbrode dobrodetelei» // Kontinent. 1993. № 75.
 Niva Zh. Solzhenitsyn. M., 1992.
 Solzhenitsyn A. I. Publitsistika: V 3-kh t. T.1. Yaroslavl', 1995.
 Solzhenitsyn A. I. Publitsistika: V 3-kh t. T.2. Yaroslavl', 1996.
 Solzhenitsyn A. I. Publitsistika: V 3-kh t. T.3. Yaroslavl', 1997.
 Solzhenitsyn A. I. Sobr. soch. v 20-ti t. T. 11: Krasnoe Koleso. Vermont; Parizh: YMCA-Press, 1983.
 Shchedrina N. M. Funktsii khronotopa v romane A. Solzhenitsyna «Krasnoe Koleso» // Poetika russkoi prozy. Mezhevuz. nauch. sb. Ufa. 1995.

Kalashnikova S.M. (Southern federal university, Rostov-on-Don, Russian Federation)

Organization peculiarities of chronotope in “Red Wheel” by A.I. Solzhenitsyn

The article analyzes the methods of organization of chronotopic Nodes in “narration in measured terms” “The Red Wheel” by A.I. Solzhenitsyn. It highlights the relevance to the modern Solzhenitsyn study that is seen undifferentiated in studies devoted to Alexander Solzhenitsyn in the work of the principle of Node as a moment of conceptualization stories writer and method of nodal points as the main form of artistic thinking. Differentiating, following M.M. Bakhtin, architectonic and compositional forms, the author argues that the principle of Node in its relation to the principle of the cyclization is purely a compositional form of organization of verbal masses; it is carried out in the aesthetic object architectonic form of artistic completion of the historical events in the author’s historiosophical concept; historiosophical in terms of its conceptually included aesthetic object, unlike composite molding unit. By analyzing the types of chronotopes operating in each of the four nodes the work is approved by the fact that, using traditional types of chronotopes, but composing them in a special, unconventional way, and sometimes transforming them, Solzhenitsyn is based on the author’s own time-space, laying the foundations of a new correlative couples architectonic and compositional forms, which found its expression in the principle of Node.

Key words: *principle of node point, method, author’s time-space, chronotope works, architectonic form, compositional form, historiosophical concept.*

Kalashnikova Svetlana Mikhailovna – candidate of linguistics, professor assistant, Russian literature dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication. Southern federal university. Phone: 8-928-151-12-38;

E- mail: svetkalash@mail.ru